

13. *Jacobson R. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. Structuralism: „for“ and „against“.* – Moscow, 1975. (in Russian). Available at: http://plr.iling-ran.ru/upload/book_files/roman_yakobson.pdf (Accessed: 05.07.2019).

УДК: 82.091

ОБРАЗЫ ПАСТЫРЕЙ И ДУХОВНОЕ ОКОРМЛЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Священник Михаил Липунцов
магистрант Тамбовской духовной
семинарии по направлению подготовки
«Русская духовная словесность»
E-mail: mishlen68@mail.ru

Для цитирования: Липунцов М., священник. Образы пастырей и духовное окормление в произведениях Ф.М. Достоевского // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2019. Вып. 7. С. 242–262.

Аннотация

В статье представлена характеристика системы образов пастырей и духовных наставников на материале произведений Ф.М. Достоевского. К категории истинных автор относит четыре типа пастырей: священник-требоисполнитель, духовный отец (старец), ученый монах, духовный наставник-мирянин; категорию лжепастырей представляют некоторые монашествующие, не исполняющие заповеди Христовы и церковные каноны, а также западное (католическое и протестантское) духовенство. В заключение сделан вывод о том, что, несмотря на имеющиеся негативные явления в российской церковной среде, Ф.М. Достоевский видит признаки сохранения истинной веры и традиций духовного наставничества лишь в лоне Православной Церкви.

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, Православная Церковь, пастырь, духовный наставник, авторский идеал, лжепастырь.

В начертании многочисленных и разнообразных типов личностей, представляющих все сословия российского общества, Федор Михайлович Достоевский не обходит стороной и священнослужителей. Если в начале творчества писателя их образы появляются лишь эпизодически, то в последнем романе «Братья Карамазовы» священник становится одним из главных в повествовании.

Образы священнослужителей, а также духовных наставников из числа мирян, представленные в произведениях писателя, можно разделить на две категории: истинные и ложные пастыри. К первой категории могут быть отнесены четыре типа персонажей: священник-требоисполнитель, духовный отец (старец), ученый монах, духовный наставник-мирянин; вторую категорию представляют лжепастыри из числа отклонившихся от заповедей Христовых и церковного устава монашествующие, а также западное (католическое и протестантское) духовенство.

Эпизодический персонаж-священнослужитель не всегда стоит в ряду положительных героев, способствующих духовному возрождению личности и гармонизации человеческих взаимоотношений. К данной категории относится, прежде всего, **священник-недуховник (требоисполнитель)**, наглядным примером которого служит священник, приглашенный для причащения умирающего Мармеладова в романе «Преступление и наказание». Семен Захарович сам изъявляет желание пригласить священнослужителя, жена же отворачивается к окну со словами: «О, треклятая жизнь». Он просит священника, но присылают доктора. Вся боль Катерины Ивановны сводится к одному простому вопросу: «Куда я дену детей после смерти мужа?». Но затем она признается, что от мужа были одни убытки, и хорошо, что помирает. В центре вопроса – дети, отдельная широкая тема в творчестве Достоевского. Где милость Божья, если страдают дети? Вопрос, ответ на который вырастет до масштаба романа «Братья Карамазовы».

В рассматриваемом эпизоде степень отчуждения пастыря и страдающих людей показана в диалоге священника и Катерины Ивановны:

– Бог милостив; надейтесь на помощь Всевышнего, – начал было священник.

– Э-эх! Милостив, да не до нас!

– Это грех, грех, сударыня, – заметил священник, качая головой [9, с. 114].

Попытавшись сказать пару напутственных слов, пожилой священнослужитель недолго был в доме Мармеладовых. Он не смог утешить Катерину Ивановну, предложив поискать помощи у тех, кто задавил отца семейства, но, осознав бессмысленность своего совета, «священник поник головой и не сказал ничего» [9, с. 215].

Когда на смертном одре оказалась сама Катерина Ивановна, она уже не зовет священника: «Что? Священника?.. Не надо... Где у вас лишний целковый?.. На мне нет грехов!.. Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала!.. А не простит, так и не надо!..» [9, с. 265]. Конечно, в порыве гордого отчаяния Катерина Ивановна могла преувеличить цену за причастие, но факт остается фактом: духовной поддержки после первого посещения священником их бедного жилища она не получила. Безусловно, в оценке данной ситуации не следует умалять вины самой Катерины Ивановны, которая чрезвычайно далека от христианского смирения. Тем самым Ф.М. Достоевский тонко подмечает, что отчуждение между пастырем и пасомыми в данном случае обоюдное.

На панихиду по мачехе пришла Соня Мармеладова, вынужденная именно под ее давлением пойти по «желтому билету». Ее присутствие несколько смутило священнослужителя: «Благословляя и прощаясь, священник как-то странно осматривался» [9, с. 271]. Однако, возможно, как считает исследователь Карен Степанян, что священник почувствовал «что-то другое, слишком ужасное и беспокойное», то есть присутствие в помещении убийцы, и вместе с ним – зла [18, с. 213].

В первом сне Раскольниковова, где по пути из храма на кладбище разворачивается сцена убиения лошади возле кабака, а юный Родион испытывает острую жалость к несчастному животному, тоже появляется священнослужитель. Этот сон раскрывает истинную сущность характера героя романа – доброго и милосердного человека. И именно в этом самом сне автор связывает эти высокие нравственные качества героя с его отношением к храму: «Он любил эту церковь и старинные в ней образа, большею частью без окладов, и старого священника с дрожащею головой» [9, с. 39]. Исследователь Татьяна Касаткина пишет, что этот эпизод романа имеет

связь с биографией автора: маленький Достоевский также гулял с отцом в Марьиной роще, где тропинка вела к Лазаревскому кладбищу, на котором была похоронена сестра Любочка, прожившая лишь несколько дней. Возможно, старый священник с дрожащей головой являлся клириком той церкви [14, с. 146].

Еще одной автобиографической ассоциацией в творчестве Достоевского является тот факт, что изображаемые им священники, как правило, служат обедни – поздние Литургии, введенные в России для аристократии. Так, в романе «Бесы» автор пишет: «Кончилась наконец обедня, и наш протоиерей, отец Павел, вышел сказать торжественную проповедь. У нас любили его проповеди и ценили их высоко, уговаривали его даже напечатать, но он все не решался. На этот раз проповедь вышла как-то особенно длинна» [2, с. 200]. Биограф писателя Касаткина также отмечает, что «по воскресеньям и большим праздникам семья Достоевских ходила в больничную церковь (Мариинскую больницу в Москве. – *Прим. авт.*) к обедне, а накануне – ко всенощной» [14, с. 147]. Ею также было установлено, что во время рождения и крещения Федора Михайловича в этом храме служил священник Василий Ильин, ставший, очевидно, прототипом упомянутого выше образа протоиерея Павла.

Священник из романа «Бесы», пришедший к заболевшему Степану Трофимовичу, тоже выступает всего лишь в роли требоисполнителя. «Прошу вас, батюшка, непременно остаться с больным, – быстро остановила Варвара Петровна разоблачившегося уже священника. – Как только обнесут чай, прошу вас немедленно заговорить про божественное, чтобы поддержать в нем веру. Священник заговорил; все сидели или стояли около постели больного.

– В наше греховное время, – плавно начал священник, с чашкой чая в руках, – вера во Всевышнего есть единственное прибежище рода человеческого во всех скорбях и испытаниях жизни, равно как в уповании вечного блаженства, обетованного праведникам...» [14, с. 147] [2, с.?]. На что Степан Трофимович ответил по-французски. Тем самым автор подчеркивает, что герои в буквальном смысле говорят на разных языках, между ними нет духовного единения. Казалось бы, речь священника правильна и с точки зрения содержания, и по форме, но маленькая деталь – чайная чашка в руках – полностью нивелирует ее, демонстрирует отсутствие жи-

вого участия пастыря в судьбе больного. Со своей стороны, Степан Трофимович усугубляет своей репликой это отчуждение.

Еще более контрастно подчеркнута отсутствие духовного контакта между пастырем и пасомым в романе «Идиот». В рассказе князя Мышкина осужденный на смертную казнь по дороге на эшафот не слышит увещаний священника, приставленного для сопровождения заключенных в таких случаях. Аналогичный эпизод имел место в биографии самого автора: Федор Достоевский был в числе тех, кто отказался от исповеди в ожидании смертной казни на Семеновском плацу 22 декабря 1849 года.

Самый неприглядный пример пастыря-требоисполнителя находим в повести «Дядюшкин сон»: героиня, обдумывая скорую и выгодную свадьбу Зиночки с князем, желает пригласить для этой цели деревенского священника на дому, при этом для успеха задуманного она хочет напоить жениха: «Обвенчать мог на дому и деревенский священник. Можно было обвенчать даже послезавтра; в самом крайнем случае даже и завтра. Ведь бывали же свадьбы, которые в два часа обделывались! <...> В крайнем случае можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьяным» [5, с. 83]. Показательно, что столь недостойный замысел, как уверена героиня, не вызовет у священника ни протеста, ни вопроса. Очевидно, щедрое вознаграждение за требу способно заставить его закрыть глаза на неприглядные обстоятельства при совершении церковного таинства. И подобная «толерантность» со стороны духовенства была, очевидно, нередким явлением, поскольку нашла отражение в произведениях критического реализма с характерной для них типизацией образов.

Из приведенных примеров можно составить собирательный образ священника-требоисполнителя, представленный в творчестве Ф. М. Достоевского: он зауряден и не обладает особыми духовными дарами, суть своего служения он видит в совершении уставных богослужений и треб по просьбе паствы за вознаграждение; между ним и паствой заметен психологический барьер.

Второй тип священнослужителя в изображении Ф. М. Достоевского может быть определен как **духовный отец**. К таковым следует отнести образ старца Зосимы («Братья Карамазовы»), епископа Тихона («Бесы»), а также **ученое монашество**: игумена монасты-

ря, иеромонаха Паисия, библиотекаря Иосифа («Братья Карамазовы»).

Образ иеросхимонаха Зосимы является духовным центром и воплощением авторского идеала в романе. Художественная система произведения выстроена вокруг монастыря, что в полной мере соответствует традиционному укладу русской жизни, в которой храм, особенно монастырь, были источником просвещения и нравственного воспитания для жителей всех окрестных деревень. Поэтому большинство действующих лиц в романе, так или иначе, пересекаются со старцем Зосимой, либо соприкасаются с ним опосредованно, и общение со старцем накладывает свой отпечаток на каждого героя в отдельности. Лишь немногие персонажи (например, Смердяков) вовсе не пересекаются со старцем. Они олицетворяют собой новую эпоху богоборчества и человеконенавистничества, предчувствие которой отражено в романе (убийство совершает и искусно скрывает именно Смердяков, который ни разу не приближается к монастырю).

Раскрывая образ старца Зосимы, Ф.М. Достоевский развивает тему страдания, без которого невозможно воскресение. У Маркела (старшего брата старца Зосимы) ухудшается здоровье на шестой неделе Великого поста. Эта неделя – вход Господень в Иерусалим для страданий и крестной смерти. На этой неделе Христос наставляет учеников, молится в Гефсиманском саду и призывает апостолов бодрствовать, ибо близится час Его смерти. Но они засыпают во время «моления о чаше», а в момент ареста Иисуса Христа разбегаются в страхе. Апостол Петр, клявшийся в верности, отрекается от Учителя. Большинство же людей, с восторгом внимавших словам Спасителя и ожидавших все новых чудес, соблазняются и утрачивают веру.

В романе прослеживаются определенные параллели с евангельским повествованием: Зосима тоже дает наставления монастырской братии, но они забывают о них, так как ожидаемого ими чуда «нетленного тела» старца они не увидели. Алеша, считавшийся, подобно апостолу Петру, самым преданным учеником Зосимы, бежит из монастыря, не выдержав психологически всеобщего неверия. После смерти старца «тлетворный дух» от его тела большинство воспринимает как знак его позора. Здесь можно увидеть аналогию с крестной смертью Спасителя, кото-

рую считали позорной в древнем мире, но именно через Голгофу пролегал путь к Воскресению. Не случайно Алеша в своем сне у гроба старца видит своего учителя воскресшим на трапезе в Кане Галилейской.

Преподобный Иустин (Попович) относит старца Зосиму к христороликим героям Достоевского [13, с. 18], в которых просматривается Лик Христов. Они не доказывают, а показывают существование Бога, являясь скрытым орудием писателя в донесении до читателя света Образа Христова. Федор Михайлович писал, что личности, подобные старцу, – «положительные характеры несказанной красоты и силы», «они вожди, и нужно, чтобы мы ведомы были ими, как блудные сыновья» [13, с. 220]. Зосима постепенно преображает личность Алеши, формирует ее по Образу Христову, с помощью добродетелей развивает богообразную сущность души Алеши. Образ старца Зосимы, похожий на святых отцов и современных автору подвижников Православной Церкви, ярко свидетельствует о сохранении чистоты учения Христова в мире, который поработен грехом.

Еще один пример духовного отца – епископ Тихон из романа «Бесы», которому, однако, не удается оказать благотворное воздействие на заблудшую душу Ставрогина. Возникает закономерный вопрос: почему Маркел («Братья Карамазовы»), сходный тип со Ставрогиным, слушается Зосиму, который еще не облечен священным саном, а Ставрогин не внимает словам епископа Тихона? Несомненно, дело в готовности человека воспринимать духовные советы, ведь и наставлениям старца Зосимы следуют немногие, как немного было истинных последователей у самого Господа Иисуса Христа.

Ставрогин, задумавший очередное показное преступление (сходное с преступлением Ивана в романе «Братья Карамазовы»), приходит в монастырь к пребывающему на покое архиерею. Епископ Тихон призывает Ставрогина к смирению и вере, убеждает, что спасение возможно, если он победит свою гордость. Однако духовник не в силах вымолить или переубедить героя, потому что Николаю Ставрогину необходимо потрудиться самому ради спасения своей души. Тем не менее святитель пророчески предсказывает, что после или даже до обнаружения «исповеди» Ставрогина тот совершит еще более страшное преступление. На что Ставрогин в

исступлении произносит: «Проклятый психолог!» – и убегает из монастыря.

Важно, что в сцене с Тихоном ложная красота Николая Ставрогина разоблачается полностью, открывается отвратительная сущность его личности. Даже «исповедь», которую героиня планирует обнародовать, составлена неверно, с присущей ему горделивостью. По мнению Мочульского, епископ Тихон сорвал с самозванца пышный плащ Ивана-царевича, маску демонической красоты [16]. Этот ключевой момент романа, к сожалению, не опубликованный, наглядно показывает, что отступника постигла духовная смерть при жизни. По мнению Мочульского, Тихон – антипод Ставрогина: сильному человеку противопоставляется слабый, гордому – смиренный, мудрецу – юродивый.

Епископ Тихон внешне предстает слабым, болезненным, с неопределенной улыбкой и странным застенчивым взглядом. У него ревматическая болезнь ног и нервные судороги. Он не стремится произвести впечатление, в монастыре не сумел расположить к себе отца архимандрита и братию. Эти качества противопоставлены мнимой красоте и красноречию Ставрогина. Тихон не словом, а всем своим обликом показывает образец христианского смирения. Под убогой внешностью в нем скрываются дары ясновидения и пророчества. И в чтении «исповеди грешника» епископ Тихон делает акцент на самом болезненном для Ставрогина, показывая, что в ней нет ничего героического, она некрасива и смешна. Вместе с тем духовник дает заблудшей душе установку на движение ко Христу: «О, не верьте тому, что не победите! Всегда кончалось тем, что наипозорнейший крест становился великой славой и величайшею силою. Если веруете, что можете простить сами себе, и токмо сего прощения и ищите достигнуть страданием своим, то уж во все веруете... И Христос простит. Если грешник признает свой грех и мучится им, он уже вернулся к Богу» [3]. Однако даже эти воодушевляющие слова старца не выводят из духовного тупика Ставрогина, сердце которого не знает ни смирения, ни покаяния.

Писатель не упускает из своего поля зрения эстетических отличий Тихона от Ставрогина. В обстановке кельи Тихона вещи подобраны изысканно: удобное кресло, большой письменный стол превосходной отделки, изящный резной шкаф для книг,

гравюры, библиотека. И этот интерьер, по традиции русской реалистической школы, является отражением гармонии внутреннего мира, живущего в данной келье человека. А Николай Ставрогин, напротив, показан человеком вне жилища, постоянно разъезжающим по России и за границей, душа которого скрыта от окружающих. Важное значение для сопоставления образов имеет речевая характеристика: епископа Тихона отличает высокий, строгий, архаизированный слог; лексика Ставрогина бесформенна и искусственна. Тем самым автор подчеркивает своеобразный «языковой барьер», препятствующий духовному единению героев.

В образах иеромонахов Паисия и Иосифа («Братья Карамазовы») воплощены типы священнослужителей, близкие к духовничеству в настоящем, а в будущем – к старчеству. Они принадлежат к **ученому монашеству**. Иеромонах Паисий становится духовником для Алеши Карамазова после смерти старца Зосимы. Более того, в напутственном слове священника можно усмотреть своего рода ответ на исповедь самого писателя в письме к Фонвизинной, где Достоевский признается, что не признает истины вне Христа: «Помни, юный, неустанно (так прямо и безо всякого предисловия начал отец Паисий), что мирская наука, соединившись в великую силу, разобрала, в последний век особенно, все, что завещано в книгах святых нам небесного, и после жестокого анализа у ученых мира сего не осталось изо всей прежней святости решительно ничего. Но разбирали они по частям, а целое просмотрели и даже удивления достойно до какой слепоты. Тогда как целое стоит пред их же глазами незыблемо, как и прежде, и врата адавы не одолеют Его. Разве не жило оно девятнадцать веков, разве и не живет и теперь в движениях единичных душ и в движениях народных масс? Даже в движениях душ тех же самых, все разрушивших атеистов живет оно как прежде незыблемо! Ибо и отрекшиеся от христианства и бунтующие против него в существе своем сами того же самого Христова облика суть, таковыми же и остались, ибо до сих пор ни мудрость их, ни жар сердца их не в силах были создать иного высшего образа человеку и достоинству его, как образ, указанный древле Христом. А что было попыток, то выходили одни лишь уродливости. Запомни сие особенно, юный, ибо в мир назначаешься отходящим старцем

твоим. Может, вспоминая сей день великий, не забудешь и слов моих, ради сердечного тебе напутствия данных, ибо млад еси, а соблазны в мире тяжелые и не твоим силам вынести их. Ну теперь ступай, сирота» [4, с. 211].

Этим проникновенным словом отец Паисий благословил юношу. Выходя из монастыря и обдумывая услышанное напутствие, Алеша вдруг понял, что в этом строгом и суровом доселе к нему монахе он встретил теперь нового неожиданного друга и горячо любящего его нового духовного руководителя, – словно старец Зосима, умирая, завещал ему свое духовное чадо.

Иеромонах Паисий выступает в этой сцене именно представителем ученого монашества, его речь носит явный апологетический характер: будучи хорошо знаком не только с соблазнами мира, но и с его научными достижениями, он стремится предостеречь Алешу от прельщения научными знаниями, которые зачастую далеки от Христовой истины. Новый духовник завещает юноше хранить в сердце высочайший идеал Христа, в котором только и возможно истинное познание. В то же время отец Паисий не сковывает свободную волю Алеши, лишь выражает надежду на то, что его напутствие он сохранит в душе в память о «великом дне», когда он по завету старца Зосимы вышел в мир.

Библиотекарь монастыря иеромонах Иосиф также показан как представитель ученого монашества, близкий по духу иеромонаху Паисию и принадлежащий к ближайшему окружению старца. Вместе с отцом Паисием он вступает в спор с Иваном Карамазовым по поводу сочиненной им статьи о церковно-общественном суде, разъясняя принципиальное отличие церковно-государственных отношений в понимании Римско-католической Церкви и Православия. Они подчеркивают, что ложный путь, на котором стоит католическая церковь, не может привести к идеалу: «...не Церковь обращается в государство. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А, напротив, государство обращается в Церковь, восходит до Церкви и становится Церковью на всей земле...». К нему ведет только Православная Церковь: «От Востока звезда сия воссияет» [1].

Очевидно, что в образах ученых монахов, соединивших в себе высоту духовную и рациональную, воплотился авторский идеал церковного и общественного деятеля, способного нести свет Хри-

стовой истины в современном мире, среди отошедшей от веры интеллигенции.

Среди близкого окружения старца Зосимы есть еще два монаха, которых Алеша встречает в келье своего наставника в день их последней встречи. Автор так характеризует их: «...Иеромонах отец Михаил, настоятель скита, человек не весьма еще старый, далеко не столь ученый, из звания простого, но духом твердый, нерушимо и просто верующий, с виду суровый, но проникновенный глубоким умилением в сердце своем, хотя видимо скрывал свое умиление до какого-то даже стыда. Четвертый гость был совсем уже старенький, простенький монашек, из беднейшего крестьянского звания, брат Анфим, чуть ли даже не малограмотный, молчаливый и тихий» [4, с. 211].

Достоевский, на первый взгляд, противопоставляет этих двух монахов отцу Паисию и отцу Иосифу, подчеркивая их «неученность» и даже «малограмотность». Но в то же время автор указывает, что все четверо духовно едины, всем сердцем восприняв идеал Христов через руководство старца Зосимы. Таким образом, в последнем романе Достоевского обосновывается преимущество духовного над рациональным.

Следующим типом духовных наставников являются те из мирян, кого апостол Петр именуется «**царственное священство**, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 9). Этих людей нельзя назвать пастырями в привычном смысле этого слова, скорее, они верные последователи учения Христова, своим жизненным подвигом подтвердившие истинность своей веры и способные, в свою очередь, привести к спасительному пути других: «И, прожив в этом мире, дав спасительные заповеди, освободив нас от обмана идолослужения, Он привел нас в познание Тебя, истинного Бога и Отца, приобретя нас для Себя как царственное священство, народ святой» (Анафора свт. Василия Великого).

Пример «царственного священства» находим в романе «Преступление и наказание». Исследователь К. Степанян называет Соню Мармеладову «священником» для Раскольникова [18, с. 206]. Она читает Родиону Евангелие, одевает на грудь крест. И именно к ней заблудшая душа героя стремится для того, чтобы принести первую, пусть и несовершенную, исповедь. Здесь можно провести параллель

с житием преподобной Марии Египетской: преподобный Зосима, встретив великую подвижницу в пустыне, испытал растерянность, не зная, первому ли ему благословлять преподобную Марию или же просить благословение у нее [11, с. 10].

Марию Египетскую и Соню Мармеладову объединяют две общие черты: во-первых, блудный грех, которому преподобная Мария предавалась в юности, а Соня предалась ему по принуждению мачехи, потому что «некуда больше идти»; а во-вторых, искреннее раскаяние и стремление к искуплению своего греха. Так, преподобная Мария Египетская после первого причастия пребывала 47 лет в пустыне в строгом посте и молитве, считая себя недостойной приобщения Святых Христовых Тайн, а Соня также сознательно накладывает на себя епитимью, считая себя недостойной посещения Божественной литургии. Это видно из текста:

– А в церкви не слышали?

– Я... не ходил. А ты часто ходишь?

– Н-нет, – прошептала Соня.

Раскольников усмехнулся.

– Понимаю... И отца, стало быть, завтра не пойдешь хоронить?

– Пойду. Я и на прошлой неделе была... панихиду служила.

– По ком?

– По Лизавете.

В разговоре с Соней намечаются зерна исповеди у Раскольникова. В Священном Писании говорится: «Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5: 10–16).

В ряду персонажей-мирян, как бы выполняющих пастырскую роль, Макар – для подростка («Подросток»), книгоноша Софья – для Степана Трофимовича («Бесы»), Алеша Карамазов – для братьев Димитрия и Ивана, а также отца. Таким образом, многие герои писателя приходят к Богу через Церковь – то есть через Божий народ (Εκκλησία – совокупность ангелов и людей под единой главой Христом). Ибо Церковь объединяет всех людей, веровавших и верующих во Христа, когда бы они ни жили и где бы они ни находились.

Противоположный истинному пастырству тип представлен в образе монаха Ферапонта («Братья Карамазовы»), которого можно назвать **ложным духовником**.

Для этого ярого противника старчества характерен грех прелесть, происходящий от гордыни. «Изуверство отца Ферапонта явным образом порождено именно неосознаваемой им гордынею», — отмечал Н. Лосский [15, с. 224]. Стремление к уединению скрывает тайное человеконенавистничество; постоянные бесовидения указывают на то, что Ферапонт в заблуждении. Он выступает в романе идейным антагонистом Зосимы. Л.А. Зандер отмечает: «Самым ярким антиподом старца Зосимы является у Достоевского отшельник отец Ферапонт. С художественной точки зрения это один из наиболее удавшихся Достоевскому образ: яркий, сильный, убедительный в своей жизненной правде. Это вполне понятно: в старце Зосиме Достоевский рисовал свой идеал; в отце Ферапонте он судил религиозное изуверство; недостатки всегда легче поддаются изображению, чем идеал: а Достоевский, помимо всего, был великим мастером карикатуры» [12, с. 177]

Внешнее описание Ферапонта противопоставляется описанию старца: в свои 75 или более лет он не стар, старец же Зосима в 65 лет выглядит гораздо старше своих лет. Примечательно, что предшественник Ферапонта постник и молчальник отец Иона прожил 105 лет. Видимо, этим автор показывает, что принимающий исповедь и пропускающий через свое сердце людское горе стареет гораздо раньше, чем тот, кто молчит, постится и молится.

Ферапонт не бывает на обязательной для всех монахов монастыря исповеди у старца Зосимы, не причащается Святых Христовых Тайн и, по сути, добивается своего отселения от монастыря в келью за пасекой по собственной воле. Этого отшельника ничто не объединяет с монастырем. Вместе с тем он держит себя высокомерно по отношению к братии, приняв на себя роль некоего блюстителя чистоты веры. «Претензия монаха-отшельника Ферапонта быть надзирателем, инспектором и, так сказать, рецензентом веры Зосимы названа в романе изуверством; опасное, недостойное соперничество в исполнении обрядов и соблюдении постов показано Достоевским как зрелище темноты и мракобесия внутри Церкви» [17].

Будучи простым монахом, Ферапонт благословляет такого же монаха из Обдорской обители, чем нарушает церковный устав. Автор подчеркивает, что Ферапонт «всегда почти груб». Держит

пост в Светлую Пасхальную Неделю, когда уставом пост запрещен. «У него свой устав», – говорят иноки монастыря, поэтому послушаниями Ферапонт обременен не был, разве только возжигать лампы в своей келье. Когда Зосима почил, Ферапонт устроил ужасающую сцену, злословя над телом упокоившегося старца.

Но и у Ферапонта есть свои «духовные чада». Это обдорский монашек, ищущий знамений и чудес. Старый монах поражает молодого псевдодуховными качествами: аскетическим постом на показ; видением бесов; разговором со «святодухом». Приезжий монашек был не одинок, так как «множество братии вполне сочувствовало ему (Ферапонту, как борцу со старчеством, т.е. с духовничеством. – *Примеч. авт.*), а из приходящих мирских очень многие чтили его как великого праведника и подвижника, несмотря на то, что видели в нем несомненно юродивого. Но юродство-то и пленяло» [4, с. 205]. Именно эта часть монастырской братии, а также Ракитин (посланный «на разведку» госпожой Хохлаковой) присутствовали среди усомнившихся в святости старца Зосимы, подвергнувшегося посмертному тлению.

Л.И. Сараскина, давая общую оценку этому негативному образу, справедливо заключает: «Явление ферапонтовщины изображено Достоевским как духовный соблазн и провокация в стенах Церкви. Темное, непросвещенное монашество как явление, а также живые примеры ферапонтов русской действительности XIX века подвигли создателя «Братьев Карамазовых» отделить старца Зосиму от его противника Ферапонта и противопоставить их. Для Достоевского это значило – отделить Церковь от ее темного двойника, открыть ее ворота для тех, кому они были заслонены Ферапонтом» [17].

Представляет интерес в художественном мире Достоевского сравнение образа духовного пастыря Православной Церкви с католическими и протестантскими священнослужителями, изображаемыми как **лжепастыри**.

Смущение священника во время панихиды в присутствии Сони Мармеладовой отличается от ситуации с пастором из швейцарской деревеньки в романе «Идиот»: «Тогда пастор, – он еще был молодой человек, и вся его амбиция была сделаться большим проповедником, – обратился ко всем и указал на Мари. „Вот кто была причиной смерти этой почтенной женщины“ (и неправда, потому что

та уже два года была больна), „вот она стоит пред вами и не смеет взглянуть, потому что она отмечена перстом Божиим; вот она босяя и в лохмотьях, – пример тем, которые теряют добродетель! Кто же она? Это дочь ее!“ , и все в этом роде» [6].

В этих двух сценах можно отметить много схожего. Рассмотрим ситуацию с Соней. Некоторое время назад отец Сони, чиновник Мармеладов, остался без работы из-за пьянства, в результате чего семья Мармеладовых потеряла последнюю надежду выбраться из нищеты. Чтобы спасти семью от голода, Соня пожертвовала собой – «пошла по желтому билету». Безусловно, Софья Семеновна совершила грех, но как отреагировали отец и мачеха, также виноватые в этом преступлении перед Богом? Они молятся за Соню, молятся за нее и малые дети. Отец перед смертью просит прощения у дочери. А сама Соня собирается идти в храм на отпевание. То есть даже между членами этой неблагополучной семьи сохраняется молитвенное общение.

Теперь проследим, как разворачиваются события в романе «Идиот». После грехопадения и возвращения домой Мари – девушки из швейцарской деревни, о которой рассказывает князь Мышкин, – мать принимает ее со злобой и презрением, так же как и односельчане (кроме детей). И своим строгим назиданием пастор лишь поддерживает общую атмосферу ненависти и презрения к падшей. Дети же в обоих случаях остаются верны заповеди блаженства: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7) – и проявляют милосердие к презираемым и гонимым.

Несмотря на некоторые негативные черты, встречающиеся в описаниях православных священнослужителей, на их фоне духовенство западное выглядит почти карикатурно: настоятель монастыря аббат Риго в романе «Подросток» сожительствует с матерью Ламберта [8, с. 245]; в романе «Идиот» аббат Гуро назван пройдохой [7, с. 235]. Автор подчеркивает явное искажение христианского вероучения представителями западных конфессий. По наблюдению профессора М.М. Дунаева, одна и та же мысль, которая в устах христоликого Зосимы несет высшую правду, у его оппонента – кардинала Великого Инквизитора, оборачивается абсолютной ложью.

Кардинал ¹ (безымянный)	Иеросхимонах Зосима
Обвиняя Христа: «Вместо твердого древнего закона – свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою...» [4, с. 312].	«На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа перед нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий перед потопом» [4, с. 312].

¹ Кардинал – высшее после Папы Римского достоинство в иерархии Римско-католической церкви.

Инквизитор отказывает человеку в праве на свободу, отвергая образ Божий в человеке и тем являя свое неверие [10, с. 185].

Таким образом, несмотря на имеющиеся негативные явления в российской церковной среде, Ф.М. Достоевский видит признаки сохранения истинной веры и традиций духовного наставничества лишь в лоне Православной Церкви.

Список литературы

1. Буланов А.М. Статья Ивана Карамазова о церковно-общественном суде в идейно-художественной структуре последнего романа Достоевского. Текст: электронный // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук : [официальный сайт]. URL: http://lib2.pushkinskiydom.ru/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_12/08_Буланов_125.pdf (дата обращения: 27.04.2019).

2. Достоевский Ф.М. Бесы // Соч. : в 12 т. – Москва: Правда, 1982. – Т. 9. – С. 5–203.

3. Достоевский Ф.М. Бесы. Глава «У Тихона». Текст: электронный // Русская виртуальная библиотека. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol7/30.htm> (дата обращения: 15.09.2019).

4. Там же.

5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы / Федор Достоевский. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 928 с.

6. *Достоевский Ф.М.* Дядюшкин сон // Соч. : в 12 т. – Москва : Правда, 1982. – Т. 2. – С. 5–136.

7. *Достоевский Ф.М.* Идиот. – Москва : Эксмо, 2012. – 640 с.

8. *Достоевский Ф.М.* Идиот // Соч. : в 12 т. – Москва: Правда, 1982. – Т. 7. – С. 5–314.

9. *Достоевский Ф.М.* Подросток // Соч. : в 12 т. – Москва : Правда, 1982. – Т. 9. – С. 5–203.

10. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание : роман в 6 частях с эпилогом / послесл. и коммент. К.А. Баршта. – Москва : Совет. Россия, 1988. – 352 с.

11. *Дунаев М.М.* Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) // Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6 частях. Часть 3. 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002. – Гл. 10. – С. 404–762.

12. Житие преподобной матери нашей Марии Египетской // Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского : в 12 книгах. – Козельск : Свято-Введенский монастырь Оптиной Пустыни, 1992. – Книга 8 : Апрель. – С. 1–24.

13. *Зандер Л.А.* Монашество в творениях Достоевского (идеал и действительность) // Записки Русской Академической Группы в США. – Нью-Йорк, 1981. – Том 14. – С. 169–186.

14. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/glava-18-besy.htm> (дата обращения: 02.12.2018).

15. *Сараскина Л.И.* (Москва) Метафизика противостояния в «Братьях Карамазовых». Текст: электронный // Федор Михайлович Достоевский : [сайт]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/saraskina-moskva.htm> (дата обращения: 23.04.2019).

16. *Иустин (Попович), прп.* Философия и религия Ф.М. Достоевского. – Минск : Издательство Дмитрия Харченко, 2014. – 448 с.

17. *Касаткина Т.* «Главный вопрос, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, – существование Божие...» : опыт духов. биограф. Ф.М. Достоевского // Ф. М. Достоевский и Православие : публицист. сб. ст. о творчестве Ф.М. Достоевского / сост. Алексеев В.А. – Москва : Издат. дом «К единству», 2003. – С. 160–194.

18. Лосский Н. Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк, 1953.

19. Мочульский К. Достоевский : жизнь и творчество. Глава 18. «Бесы». Текст: электронный // Литература : [некоммер. сайт]. URL:

20. Степанян К. Человек в сфере «Реализма в высшем смысле» : теодицея и антропология Достоевского. Текст: электронный // ЛитВед : [сайт]. URL: <http://litved.com/степанян-человек-в-свете-реализма/> (дата обращения: 15.09.2019).

UDK: 82.091

IMAGES OF PRIESTS AND SPIRITUAL GUIDANCE IN F.M. DOSTOEVSKY'S WORKS

Mikhail Lipuntsov, Priest
Master's Degree Student
Area of Study – Russian Spiritual Literature
Tambov Theological Seminary
E-mail:mishlen68@mail.ru

For citation: Lipuntsov M., priest. Images of Priests and Spiritual Guidance in F.M. Dostoevsky's Works. *Theological Collection of Tambov Theological Seminary*. 2019. Issue 7. P. 242–262.

Abstract

The article presents special features of the system of images of priests and spiritual mentors based on F.M. Dostoevsky's works. The author classifies four types of priests as true ones, including officiants, spiritual fathers (elders), scholarly monks, and lay spiritual mentors. The category of false pastors is represented by monks non-fulfilling commandments of Christ and church canons, as well as the Western (Catholic and Protestant) clergy. The author concludes that, despite the existing negative phenomena in the Russian church environment, F.M. Dostoevsky sees signs of preservation of the true faith and traditions of spiritual mentoring only in the bosom of the Orthodox Church.

Keywords: F.M. Dostoevsky's creative work; Orthodox Church; pastor; spiritual mentor; author's ideal; false pastor.

References

1. *Bulanov A. M.* Stat'ya Ivana Karamazova o tserkovno-obshchestvennom sude v ideino-khudozhestvennoi structure poslednego romana Dostoevskogo [Ivan Karamazov's Article about the Church and Public Court in the Ideological and Artistic Structure of Dostoevsky's Last Novel]. Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. (in Russian). Available at: http://lib2.pushkinskiydom.EN/Media/Default/PDF/Dostoevsky/Materialy/T_12/08_Буланов_125.pdf (Accessed: 27.04.2019).

2. *Dostoevsky F. M.* Besy [Demons]. Collection in 12 vols. – Moscow: Pravda, 1982. – Vol. 9. – Pp. 5–203. (in Russian)

3. *Dostoevsky F. M.* Besy. Glava "U Tikhona" [Demons. Chapter «At Tikhon's»]. Russian Virtual Library. (in Russian). Available at: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol7/30.htm> (Accessed: 15.09.2019).

4. Ibid.

5. *Dostoevsky F. M.* Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. Fyodor Dostoevsky. – Moscow: Publishing House «E», 2016. – 928 p. (in Russian)

6. *Dostoevsky F. M.* Dyadyushkin son [Uncle's Dream]. Collection in 12 vols. – Moscow: Pravda, 1982. – Vol. 2. – Pp. 5–136. (in Russian)

7. *Dostoevsky F. M.* Idiot [Idiot]. – Moscow: Eksmo, 2012. – 640 p. (in Russian)

8. *Dostoevsky F. M.* Idiot [Idiot]. Collection : in 12 vols. – Moscow: Pravda, 1982. – Vol. 7. – Pp. 5–314. (in Russian)

9. *Dostoevsky F. M.* Podrostok [The Adolescent]. Collection : in 12 vols. – Moscow: Pravda, 1982. – Vol. 9. – Pp. 5–203. (in Russian)

10. *Dostoevsky F. M.* Prestuplenie i nakazanie : roman v 6 chastyakh s epilogom [Crime and Punishment: a Novel in 6 Parts with an Epilogue]. – Moscow: Soviet Russia, 1988. – 352 p. (in Russian)

11. *Dunaev M. M.* Fyodor Mikhailovich Dostoevsky (1821–1881) [Fyodor Mikhailovich Dostoevsky (1821–1881)]. Dunaev M. M. Orthodoxy and Russian Literature. In 6 parts. Part 3. 2nd ed.,

Rev. – Moscow, Church of the Holy Martyr Tatiana at Moscow State University, 2002. – Ch. 10. – Pp. 404–762. (in Russian)

12. Zhitie prepodobnoi materi nashei Marii Egipetskoj [Life of Reverend Mother Mary of Egypt]. Lives of the Saints, in the Russian Language described according to the hagiography by St. Dimitry of Rostov : in 12 books. Kozelsk, Holy Vvedensky Monastery of Optina Pustyn, 1992. – Book 8: April. – Pp. 1–24. (in Russian)

13. *Zander L. A.* Monashestvo v tvoreniyakh Dostoevskogo (ideal i deistvitel'nost' [Monasticism in Dostoevsky's Works (Ideal and Reality)]. Notes of the Russian Academic Group in the USA. – New York, 1981. – Vol. 14. – Pp. 169–186. (in Russian)

14. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/mochulskij-dostoevskij-zhizn-i-tvorchestvo/glava-18-besy.htm> (Accessed: 02.12.2018). (in Russian)

15. *Saraskina L. I.* (Moscow) Metafizika protivostoyanoya v “Brat'yakh Karamazovykh” [Metaphysics of Confrontation in the Brothers Karamazov]. (in Russian). Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/saraskina-moskva.htm> (Accessed: 23.04.2019).

16. *Justin (Popovich), Reverend.* Filosofiya i religiya F.M. Dostoevskogo [The Philosophy and Religion of F. M. Dostoevsky]. – Minsk: Dmitry Kharchenko Publishing House, 2014. – 448 p. (in Russian)

17. *Kasatkina T.* “Glavnyi vopros, kotorym ya muchilsya soznatel'no i bezsoznatel'no vsyu moyu zhizn', – sushchestvovanie Bozhie...” : opyt dukhov. Biograf. F.M. Dostoevskogo [«The Main question, which has tormented me consciously and unconsciously throughout my entire life – the existence of God...» : experience of spirits. Biography of F. M. Dostoevsky]. F. M. Dostoevsky and Orthodoxy: publicistic collection of articles on F. M. Dostoevsky's works / comp. by Alekseev V. A. – Moscow: Izdat. Dom “K edinstvu”, 2003. – Pp. 160–194. (in Russian)

18. *Lossky N.* Dostoevsky i ego khristianskoe miroponimanie [Dostoevsky and his Christian Worldview]. – New York, 1953. (in Russian)

19. *Mochulsky K.* Dostoevsky : zhizn' i tvorchestvo. Glava 18. “Besy” [Dostoevsky : Life and Creative Work. Chapter 18. «Demons»]. (in Russian)

20. *Stepanyan K. Chelovek v sfere "Realizma v vysshem smysle": teoditseya i antropologiya Dostoevskogo [Man in the Sphere of «Realism in the Highest Sense»: Theodicy and Anthropology of Dostoevsky]. (in Russian). Available at: <http://litved.com/степанян-человек-в-свете-реализма/> (Accessed: 15.09.2019).*

УДК: 80; 2-12

ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОБОРНОСТЬ» ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО- КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»)

Людмила Евгеньевна Хворова

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русского языка
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина»
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Лили Цзинь

аспирант факультета филологии
и журналистики ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина»
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru

Для цитирования: Цзинь Л. Значение понятия «соборность» для формирования духовно-культурных традиций русской литературы (на примере «Слова о полку Игореве») // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2019. Вып. 7. С. 262–270.

Аннотация

В статье идет речь об истоках духовности русской литературы – православно-христианской культуре, формировавшей внутренний «православный свертхтекст» отечественной литературы, о соборности как исконно русском понятии. Приводятся рассуждения русских ученых, философов, религиозных мыслителей, сов-